

## **НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ЗАУРАЛЬЯ И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ**

Начало научного анализа зауральских и западносибирских древностей связано с именами А. А. Берса, П. А. Дмитриева, Е. М. Берс, К. В. Сальникова, В. П. Левашевой, В. Н. Чернецова. Они сделали первые относительные определения культурно-хронологической принадлежности памятников эпохи железа, известных к 40-м — началу 60-х гг. В урало-сибирскую археологию вошли такие понятия, как «гамаюнская», «исетская» (по Е. М. Берс), или «каменогорская», «иткульская» (по К. В. Сальникову), «гороховская» и «саргатская» культуры. Главной была тема культурно-хронологического своеобразия культур, в самой общей форме обсуждались вопросы происхождения, хозяйственной и этнической интерпретации<sup>1</sup>.

Несмотря на недостаточную изученность эпохи железа, в то время была заложена основа для дальнейших, более интенсивных исследований, предпринятых в 60—70-е гг. экспедициями Института археологии АН СССР, Уральского университета, Курганского пединститута, Северо-Казахстанского музея и других научных центров. В результате было открыто подавляющее количество известных сегодня памятников и создана база для углубленного исследования проблем раннего железного века.

С тех пор накопление новых знаний происходило в основном за счет раскопок и публикации полученных материалов. Исследования все больше приобретали региональный характер, углубляя частные аспекты и порождая трудности интеграции новых знаний. Возникла необходимость подвести некоторые итоги, обозначить нерешенные задачи.

В 60—70-е гг. в центре внимания находились темы, связанные с осмыслением и систематизацией материалов известных и вновь открытых памятников. Последние были картографированы на определенных территориях в виде культурно-хронологических групп, различающихся керамикой, погребальным обрядом, жилищами и т. д. Наряду с разработкой их периодизации и поисками отличительных признаков делались попытки исторических и этнических реконструкций. Предложенные тогда В. Е. Стояновым и В. Д. Викторовой схемы классификации и распределения материала до сих пор сохраняют в основном свое значение<sup>2</sup>. Кратко остановимся на них.

На основе анализа коллекций р. Тавды и Туры В. Д. Викторова пришла к выводу о существовании двух групп памятников: тавдинской, входящей в круг древностей лесного облика, и турь-

инской, связанной гончарными традициями с лесостепным массивом. На Тавде последовательность выделенных В. Д. Викторовой групп памятников раннего железного века выглядит следующим образом. Наиболее ранними являются поселения вагильского типа. Они рассматриваются как северное проявление гамаюнской культуры и как результат синтеза местных традиций поздней бронзы и пришлых (с крестовой орнаментацией). Позже здесь распространяются поселения с кульминской керамикой (северным аналогом иткульской), во второй половине раннего железного века — памятники синдейского типа с трехкомпонентной орнаментацией керамики: насечковой, гребенчатой, змейковой.

В лесостепной зоне картина более сложна. Началом раннего железного века В. Е. Стояновым датированы известные на Среднем Тоболе, Средней и Нижней Исети поселения с носиковской керамикой, VI—IV вв. до н. э. — поселения с иткульской и воробьевской. Первые сосредоточены в бассейне Синары, верховьях Исети, вторые — в средних течениях Исети, Тобола, Ницы и Пышмы. Им синхронны памятники с баитовской керамикой, картографированные в Среднем Приишимье, Тоболо-Ишимском междуречье, на Исети, Нижней Туре и правобережье Среднего Тобола. Последним хронологически близки открытые на Средней Туре зеленомысские поселения с керамикой, сходной с иткульской и носиковской. Для Среднего Прииртышья в рамках этого времени выделены памятники с розановским типом посуды.

Позднее на Средней Туре, по мнению В. Д. Викторовой, зеленомысские и баитовские поселения уступили место памятникам речкинского и кашинского типов. Время последнего определено концом раннего железного века (первыми веками н. э.). В середине I тыс. н. э. их сменили памятники с керамикой прыговского типа.

В V—II вв. до н. э. на иткульской и воробьевской территории появляются памятники с гороховской керамикой, впервые описанные К. В. Сальниковым<sup>3</sup>. Поселения с посудой речкинского типа, выделенной В. Е. Стояновым по материалам селища Речкино II и нашедшей повторение в керамике саргатских курганов, датированы им IV в. до н. э.—II в. н. э. По мнению исследователя, гороховские памятники уступили место речкинским, распространявшимся от бассейна Иртыша до Тобола.

В. Е. Стоянов указал на возможность объединения близких локально-хронологических групп памятников в несколько культур или общностей: каменогорскую — в горнолесной зоне; исетскую с иткульским и воробьевским вариантами — в горнолесной и лесостепной; баитовскую с носиковским, лихачевским и борковским вариантами — в Среднем Притоболье и Приишимье; гороховскую — на бывших воробьевской и носиковской территориях; саргатскую с розановским и речкинскими вариан-

тами — в лесостепной полосе Тоболо-Ишимского междуречья<sup>4</sup>.

Несмотря на то, что описанные концепции в ходе дальнейших исследований изменялись и уточнялись, в целом они являются основным ориентиром в изучении раннего железного века интересующего нас региона. Многие обозначенные тогда направления поиска актуальны по сей день. Они стимулировали углубленный анализ, сопровождавшийся пересмотром первоначальных характеристик гамаюнской<sup>5</sup>, иткульской<sup>6</sup>, саргатской<sup>7</sup> культур. Вместе с тем новые исследования ставят не только дополнительные проблемы, но и возвращают нас к старым, требуя новых идей и подходов.

В связи с начавшимся перспективным изучением лозьвинских памятников, открытых в массе на Конде, Тавде и Лозьве, единично в Нижнем Приобье<sup>8</sup> и на Европейском Северо-Востоке<sup>9</sup>, появилась возможность уточнить генезис гамаюнской культуры. Судя по всему, относительно многочисленное, но распыленное охотничье-рыболовческое население с ямочно-гребенчато-волнисто-прокатанной лозьвинской керамикой приняло участие в формировании гамаюнской культуры, в частности ее вагильского варианта. В роли второго компонента можно рассматривать нижнеобское население с ямочно-крестовой (прежде всего атлымской) керамикой, которое небольшими группами переселялось в Зауралье и другие районы в XII—VIII вв. до н. э.<sup>10</sup> При этом необходимо заметить, что, по-видимому, не все местные группы смешались с пришлыми. Часть их, прежде всего северные, могли соседствовать в начале железного века с новым этносом, заселившим Лозьву, Тавду и Конду.

Благодаря двум основам при формировании гамаюнской культуры, именно два типа орнаментации — местный ямочно-волнисто-прокатанный и пришлый ямочно-крестовый — определили впоследствии общий облик ее керамики. В целом крестовых и волнисто-прокатанных орнаментов на гамаюнских сосудах примерно поровну (около 34 и 38 %), но на отдельном памятнике преобладает посуда одного из этих типов. Керамики с сочетанием прокатанной волны и креста мало. Последний тип — с обедненной ямочно-насечковой орнаментацией, составляющий 1/4 всего комплекса, неоднороден: это кухонная и гамаюно-иткульская посуда. Все типы бытовали повсеместно и одновременно. Преобладание двух главных орнаментальных примеров освящалось и поддерживалось определенной религиозно-мировоззренческой традицией. В основе ее, по-видимому, лежал фратриальный характер гамаюнского союза, в соответствии с которым первоначально осуществлялись брачные контакты лозьвинских и нижнеобских групп, затем их общих потомков. Позднее по такому же принципу строились отношения части гамаюнских и иткульских общин. В конечном итоге это, а также миграции в лесостепное Зауралье воробьевских, гафурийских и гороховских групп, привело к формированию в середине I тыс. до н. э. на-

ряду с одноэтничными смешанными (ранних соседских?) поселков.

В свете изложенного трудно согласиться с делением М. Ф. Косаревым гамаюнской керамики «на две большие группы», первая из которых характеризуется несвойственными гамаюнской культуре орнаментами, состоящими из резных линий, треугольных ямок, жемчужин, мелкоструйчатых и андронидных узоров<sup>11</sup>. Кроме того, на наш взгляд, вряд ли оправданы сужение хронологии гамаюнской культуры до двух веков (VIII—VII или VII—VI вв. до н. э.) и попытка поместить ее между межовской и иткульской<sup>12</sup>. Новые материалы более согласуются с датировкой, предложенной Е. М. Берс<sup>13</sup>.

Гамаюнская культура, как отмечено выше, сформировалась на Конде, Тавде и Лозье — за пределами межовского ареала. Ее нижняя хронологическая граница определяется не концом существования межовской культуры, а периодом основных миграций населения атлымской культуры (около XII—VIII вв. до н. э.). В конце эпохи бронзы первые гамаюнские группы проникают в бассейны Тагила и Миасса, на территорию межовской и бархатовской культур и вступают в контакты с местным населением. Об этом свидетельствуют переходные формы и орнаменты, включающие местные и пришлые элементы (отдельные сосуды 2-го Курьинского прииска Шигирского торфяника, 6-го разреза Горбуновского торфяника, поселения Юрьино IV, городища Миасское I). Основная же масса гамаюнских племен приходит в Тагильско-Свердловский район и Южное Зауралье во время формирования иткульской культуры (около VIII—VII вв. до н. э.) и живет на одной территории с ее населением. Верхняя дата гамаюнской культуры — V — IV вв. до н. э. — подтверждается поздними комплексами и гамаюно-иткульскими памятниками (поселения Палкинское Левобережное, Березки II, городища Красный Камень, Зотинское II, Каменогорское, Колпаковское и др.). В числе нерешенных следует назвать проблемы периодизации гамаюнской культуры и определения структуры создавшего ее общества.

Когда возникла необходимость дать характеристику иткульской культуры на более качественном уровне, по сравнению с тем, что уже было опубликовано<sup>14</sup>, встала задача проанализировать феномен металлургического производства в системе культуры: определить его масштабы и основные характеристики. Старые и вновь полученные материалы позволяют утверждать, что на базе иткульской культуры функционировал очаг металлургического производства<sup>15</sup>. Суть его, в соответствии с определением Е. Н. Черных<sup>16</sup>, можно обозначить как территориально и хронологически ограниченную устойчивость в технике, технологии и продукции металлургического производства.

Основные черты иткульского очага следующие. Прежде всего это очаг цветной металлургии (главным образом медной) и

зарождающейся черной. Хронологические рамки его полностью совпадают с датой иткульской культуры — VII—III вв. до н. э. Функционировал он, предположительно, в пределах иткульской территории. Памятники металлургии расположены главным образом в горной стране — вдоль восточного склона Уральского хребта (лишь несколько на Западно-Сибирской низменности), а самое существенное — вдоль Тагил-Магнитогорского прогиба — в полосе концентрации месторождений, в том числе меди, на берегах крупных пресноводных озер и в верховьях вытекающих из них рек, в зоне сосновых и сосново-лиственных лесов. География памятников очага была оптимальной. Близость и богатство рудных источников, сырья для углежжения, фауны лесов и озер решали ряд важных проблем производства и жизнеобеспечения иткульских металлургов.

В пространственном размещении очага, расположенного в пределах Уральской горно-металлургической области (ГМО), заложены две предпосылки его возникновения: благоприятные природно-географические условия и длительность разработки медных руд — задолго до изучаемого времени. Отсюда большие возможности наследования знаний и опыта. Здесь же, очевидно, коренится фактор, способствующий развитию очага — соседство с миром кочевников.

Памятники располагаются гнездами: от 2 до 9 в каждом. Расстояние между гнездами обычно 30—50, иногда 90 км; лишь поселения Андреевского озера удалены от основного массива на 300 км.

По ряду причин полной и законченной классификации памятников нет: дано только описание по морфологическим признакам и предпринята попытка организации по функциональному. 80% памятников занимают высокие места — 10—40 м над уровнем воды. Это холмы на мысах и сплошных террасах, ровные участки сплошных террас и мысов, останцы, острова. Размеры площадок самые разнообразные: от 250 м<sup>2</sup> до 3800 м<sup>2</sup>. 13 из 36 поселений относятся к группе одноплощадочных и в одном случае четырехплощадочных укрепленных, разной формы с замкнутой и разомкнутой линией обороны. Фортификации включают 3—4 элемента: стену, вал или завалинку, ров или канавку. Отсутствие оборонительной линии не всегда означает легкодоступность памятника.

Из сооружений на площадках памятников зафиксированы основания металлургических горнов (около 70), подсобные ямы, специально обустроенные площадки, кострища, основания помещений: жилых, производственно-жилых и производственных. Сейчас можно отметить некоторые общие тенденции планировки этих сооружений. Во-первых, постройки концентрируются по краям площадки так, что центральная часть остается относительно свободной. Во-вторых, на полосе концентрации объекты расположены, как правило, рядами (1—3), с расстоянием

между рядами 2—3 м. В-третьих, на большей части памятников объекты разного назначения размежеваны по флангам и рядам: на одном фланге в ряду — производственные блоки, на другом — жилые и производственно-жилые.

Анализ памятников по функциональному признаку позволил выстроить гибкий ряд, на одном полюсе которого расположены производственные площадки лишь с объектами производственного характера, в центре — производственные площадки с жилищами, на другом полюсе — поселения с локальными пунктами металлургического производства. Несмотря на условность такого деления, этот ряд объективен, так как один край обеспечен вскрытой на 100 % производственной площадкой на г. Петрогром, центр — многочисленными памятниками. Вместе с тем положение многих слабо изученных памятников в этом ряду лишь предположительно. Деление по функциональному признаку показало, что в структуре очага памятники были неоднозначны и имели свою специфику. С чем это связано, пока не совсем ясно, но вероятней всего с картой сырьевых ресурсов. Производственные площадки, в том числе предполагаемые, находятся вблизи от рудных источников, поселения с локальными пунктами, напротив, — на небольшом удалении.

Масштабы и полнота производственного цикла на памятниках также зависели от близости к рудным источникам. Особенно это справедливо по отношению к медному производству. Изготовление меди по полному циклу и в больших масштабах осуществлялось в предгорных гнездах. По мере удаления от них, во-первых, сокращались его объемы, во-вторых, фиксировалась, как правило, одна фаза — обработка меди.

Если опорные памятники выплавки меди явно концентрируются вдоль горного массива, то аналогичные с производством железа так жестко к нему не привязаны. Ареал последних слегка смещен к востоку. Причин несколько. Основная заключается в том, что источники железной руды доступны на более широкой территории.

Техника и технология производства были отработанными, устойчивыми и достаточно передовыми на всей территории очага. Выплавка меди производилась в основном из окисленных руд, но есть основания предполагать более сложную плавку сульфидных руд. Источники медной руды — зауральские. Из доказанных — Гумешевский рудник, остальные — предполагаемые. Выплавка осуществлялась в горнах нескольких конструкций с искусственным поддувом. Выплавка одноразовая, возможно, с периодическим сливом шлака. Допустима и более сложная технология выплавки. Технология металлообработки: основной прием — литье в формы. Они закрытые, разных конструкций и разнообразны по материалу. Медь закономерно должна была заменяться сплавами, чего, однако, не произошло в иткульском очаге. Сплавы здесь достаточно редкое явление. Эта несогла-

сованность объясняется не отсутствием необходимых знаний и навыков, а дефицитом легирующих материалов. В этих условиях для получения качественных отливок нужно было соблюдение технологической схемы во всех тонкостях. Особое значение здесь имела кузнечная доработка. Выявлено около 15 приемов кузнечнойковки иткульских изделий. Немногочисленные железные вещи были откованы из железа и слабонауглероженной стали.

Сортамент иткульских изделий включает наиболее распространенные типы орудий труда, оружия, украшений, предметов культа и туалета, бытовых в скифо-сарматском, ананьинском, тагарском мире. Свообразие и самобытности здесь, за единичными исключениями, нет, хотя местное производство вещей неоспоримо. Естественно здесь предположить широкие экономические связи. Это требуется доказать не только типологически, но и сравнительным анализом металла сопредельных культур. В настоящее время это одна из важных проблем.

В вопросах социальной и производственной организации больше проблем, чем решений. Учитывая, что остатки металлургического производства на иткульских памятниках встречаются с закономерным постоянством, встает вопрос: все иткульское население или отдельные его коллективы специализировались на производстве металла. Сейчас это трудно установить, так как остатки металлургии зафиксированы на половине иткульских памятников. При этом следует учесть, что почти все поселения с остатками металлургии исследованы раскопками большой площади, а без металла — разведочными шурфами и редко раскопами не более 100 м<sup>2</sup>. Иными словами, металлургия обнаружена лишь на хорошо исследованных памятниках. Говоря о формах ремесленного объединения по имеющимся материалам, можно предположить большесемейную или клановую организацию. Разделение труда, возможно, было на том уровне, когда наряду с мастерами-универсалами, выполняющими одновременно функции горняка, металлурга, кузнеца, работали мастера более узкой специализации: горняки-металлурги и кузнецы-литейщики.

Что может дать такое явление, как очаг металлургии, функционирующий в системе одной культуры, для решения ее проблем? Как всякое неординарное явление, наверное, многое. В частности, решить вопросы этногенеза. Металлургическое производство возникало разными путями. Если в ранние эпохи возможно самозарождение, то в начале железного века этот путь маловероятен. Здесь наиболее реально прямое наследование. Отсюда — выход на решение проблем происхождения культуры. Другая проблема — взаимоотношение металлоносной культуры с сопредельными и одновременными ей. Вполне допустимо, что новая общность возникает в результате размежевания первичного коллектива на группы по производственно-экономическому

принципу. Из первичного коллектива могли выделиться клан или община, специализирующиеся на изготовлении металла. В силу специфики производства эта группа держалась обособленно, поддерживая при этом постоянные экономические отношения с соседними родственными ей коллективами. Так могли взаимодействовать иткульские племена с носилковскими и воробьевскими. По-другому можно взглянуть на значение и соотношение элементов в хозяйственной структуре металлоносной культуры. В частности, на соотношение охоты и скотоводства. Традиционный метод определения хозяйственного типа коллектива по фаунистическим остаткам в этом случае может привести к неверным результатам. Животные, например, могли появиться на поселении металлургов в качестве эквивалентов в обменных операциях. Таким образом, однозначные решения здесь неприменимы.

В лесостепной зоне остро ощущается необходимость проявления ситуации переходного периода, выявления истоков и механизмов формирования гороховской и саргатской культур, которые, по мнению В. А. Могильникова, составляют единую этнокультурную общность<sup>17</sup>. Допустив возможность существования в Прииртышье, на Ишиме и Туре в начале железного века ивановско-байтовской общности<sup>18</sup>, В. А. Могильников, однако, пришел к заключению, что «облик культуры населения лесостепи в VII — VI вв. до н. э. не был одинаковым в разных местах»<sup>19</sup>. В настоящее время исследователи выделяют на Иртыше и Ишиме несколько культурных образований переходного периода: красноозерский, большеложский<sup>20</sup>, позднесузгунский, переходный к саргатскому, а на севере (в лесной зоне) — богочановский, журавлевский, и т. д.<sup>21</sup> Не менее сложна обстановка VII — VI вв. до н. э. в лесостепном Зауралье, которое характеризуется мозаичностью распространения описанных выше культурных типов. Несмотря на то что в орнаментации посуды раннего железного века и предшествующего времени много общего, мы не можем более или менее определенно сказать, какие процессы привели к сложению новых культурных образований, каков их генезис и какова связь во времени и пространстве. Здесь нужны широкие статистические сравнения, целенаправленные исследования для выявления природы социально-экономических процессов, приведших к трансформации местных традиций эпохи бронзы.

Первое, что обращает на себя внимание при знакомстве с материалами раннего железного века лесостепи, это большая «похожесть» керамики, своего рода морфологическая и орнаментальная непрерывность. Комплексы отличаются один от другого не системой, а одним — двумя разными признаками, как бы по цепочке. Эта непрерывность приводит к тому, что при большом общем сходстве абсолютно одинаковых и разных памятников нет (особенно для больших ареалов). Вот почему,



анализируя материал, можно легко впасть в две крайности: либо многие комплексы объединить, либо разнести их по нескольким группам. Такие подходы выражаются, с одной стороны, в выделении по одному — двум памятникам новых культур, с другой, в конструировании их путем сложения или перемещения отдельных типов из одной культуры в другую.

Примером могут служить выделение байтовской культуры на основе внешнего сходства носиловских и байтовских древностей и трансформация гороховской путем дополнительного включения в нее айских и воробьевских памятников<sup>22</sup>. Вряд ли это оправдано, так как новые понятия не добавляют новых знаний и не проясняют ситуацию. Сходство отмеченных типов реализуется в рамках той общности, которая вообще характерна для западносибирской лесостепи. Может быть, стоит задуматься над проблемами, связанными с интерпретацией и определением места локально-хронологических групп, понять или по крайней мере обозначить, что считать типами, а что — культурами. Кроме того, есть еще одно обстоятельство, которое будет, видимо, долго приводить к путанице и неопределенности: в каждом типе есть сосуды, принадлежность которых очевидна, и сосуды, расположенные как бы на стыке типов. Это другое проявление археологической непрерывности, реализующееся на определенной территории и соответствующее своеобразной культурной и этнической непрерывности, размытости и хорошей информационной проницаемости границ между коллективами.

Несмотря на успехи в изучении саргатской культуры, наиболее известной и хорошо представленной источниками, многие вопросы ее истории еще ждут ответа. Пожалуй, активнее других в литературе обсуждается проблема происхождения культуры, но пока она решается на уровне общих рассуждений. Большинство исследователей признают в качестве субстрата местные компоненты, восходящие генетически к периоду поздней бронзы (правда, для разных районов разные). Принципиально не оспаривается также южное, степное влияние. Однако в оценке его роли, формы и времени проявления существуют определенные разногласия. В целом же среди специалистов по проблеме происхождения саргатской культуры можно найти сторонников «широкой» версии, в соответствии с которой культура формируется повсеместно (Н. В. Полосьмак, А. Я. Труфанов, частично В. А. Могильников), и узкой, в соответствии с которой культура распространялась из одного центра (В. Е. Стоянов, Н. П. Матвеева).

Как известно, саргатская культура — более сложная система, нежели фиксируемое сходством керамики образование. Поэтому проблема, оказавшись глубже, неизбежно выводит нас на вопрос о содержании процессов, определивших историческую обстановку в Зауралье и Западной Сибири в раннем железном веке, когда даже косвенное воздействие раннеклассовых обществ на

первобытную периферию становится все более осязаемым. Следует определить, с какого момента начинается отсчет истории саргатского общества: с того, когда впервые появляется походя на саргатскую керамика, или с того, когда это общество оформляется в систему, нашедшую отражение в археологической культуре. Не устранив отмеченную неоднозначность, трудно ожидать сближение позиций как в проблеме происхождения, так и в проблеме хронологии.

Время культуры определяется в целом V—IV вв. до н. э.—II—III вв. н. э. Существует несколько вариантов внутренней периодизации, в соответствии с которыми этот диапазон делится на три—четыре этапа<sup>23</sup>. Кроме того, в последние годы разработаны собственные периодизации для отдельных районов. Первый этап саргатской культуры в Западной Барабе Н. В. Полосьмак датировала V—III вв. до н. э., допустив возможность его удревнения до VII—VI вв. до н. э. на основании типологического вычленения саргатской и переходной керамики в слое ирменского поселения Туруновка—4. Второй этап она отнесла ко II—I вв. до н. э., последний—к I в. до н. э.—I в. н. э.<sup>24</sup>

В настоящее время действительно есть основания для того, чтобы считать началом саргатской культуры V в. до н. э. На это, кроме прочих, указывают находки жертвенников савроматского и раннесарматского времени в могильнике Богдановка III<sup>25</sup>. Однако вряд ли можно углублять эту дату, говоря о культуре как таковой, т. е. имея в виду систему памятников с вполне определенными типами керамики и погребальной обрядности. Естественно, что некоторые элементы и традиции должны улавливаться в более раннее время. Однако то обстоятельство, что мы не знаем типично саргатских памятников VII—VI вв. до н. э., хотя находим аналогии их отдельных признакам, очевидно, свидетельствует о процессе формирования системы, когда характеризующие ее черты еще довольно расплывчаты.

Все большую актуальность приобретает тема соотношения саргатской и гороховской культур, внешнее сходство которых послужило поводом для вывода Н. В. Полосьмак о их единстве<sup>26</sup>. Близость черт погребального обряда, совместные находки саргатских и гороховских сосудов в отдельных погребениях обусловили то, что была поставлена под сомнение культурная принадлежность некоторых могильников (Шмаковский, Раскати-ха)<sup>27</sup>. Все это свидетельствует о недостаточной изученности проблемы гороховско-саргатского взаимодействия, требующей глубокого статистического и исторического исследования.

Учитывая все сказанное выше, заметим, что в условиях археологической непрерывности, характерной для западносибирской лесостепи, вряд ли стоит увлекаться выделением множества культур. Как нам кажется, группы памятников, различающиеся в основном керамикой и небольшими локально-хронологи-

ческими параметрами, можно считать культурными типами: воробьевским, носиловским, байтовским и т. д. Они сформировались на основе местных вариантов культур эпохи бронзы, но в дальнейшем вошли в состав более активных и жизнеспособных образований, передав им часть своей специфики. Исторически этим типам скорее всего соответствовали соплеменности. Гороховские памятники, представленные специфическими признаками не только керамики, но и погребального обряда, и фортификаций, несмотря на близость саргатским, следует объединять в археологическую культуру и вместе с последними включать в состав этнокультурной общности. Саргатская и гороховская культуры, по-видимому, оставлены племенными союзами, сложившимися в условиях разложения первобытных отношений и активных контактов с кочевыми обществами.

Вся совокупность типов и археологических культур Тоболо-Иртышской лесостепи образует своеобразную культурную провинцию, которая в свою очередь входит в обширную историко-культурную область вместе с Южным Уралом, Северным Казахстаном, лесостепным Приобьем. По территории, степени интегративных способностей, мобильности распространения саргатская культура, без сомнения, является основной, определяющей облик раннего железного века в зауральской провинции. Поэтому период, когда наряду с существованием отмеченных выше культурных типов шло ее формирование, т. е. V—IV вв. до н. э., можно условно назвать предсаргатским, не забывая, однако, что одновременно шло формирование гороховской культуры на западе провинции.

В последние годы появились факты относительно саргатских памятников IV, возможно, V вв. н. э. (Ипкульский могильник, поселения Ипкуль XV, Исток III). Не исключено, что они выделяются в отдельную хронологическую группу, приуроченную к району Среднего и Нижнего Притоболья. Ее можно назвать постсаргатской, поскольку она, также как и ранняя, лишь частично связана с основной системой и представляет осколок последней.

Большой интерес вызывает проблема трансформации саргатского наследия. Важная сама по себе, она связана, кроме того, с вопросами формирования культур средневековья. В данном контексте необходимо понять природу и место таких типов, как прыговский и кашинский, изученных пока слабо.

Одним из новых направлений урало-западносибирской археологии является изучение укрепленных поселений и фортификаций доклассовых обществ. Как известно, первая сводка городищ Урала сделана А. А. Спицыным. Она содержит главным образом данные о внешнем виде укреплений и сведения о находках, добытых разведками<sup>28</sup>. До 60-х гг. на городищах исследовались в основном поселенческие площадки. Валы и рвы вскрывались только узкими поперечными траншеями. Сами укрепленные поселения анализировались только в контексте архео-

логических культур. В последние годы широкими площадями исследованы оборонительные сооружения не менее трех десятков городищ раннего железного века (преимущественно в Зауралье). Наметился переход от искусственных классификаций к теоретико-обобщающим<sup>29</sup>. Дана характеристика предуральских фортификаций в системе военного дела финно-угров<sup>30</sup>. Проведен общий сравнительный анализ уральских городищ<sup>31</sup>, на очереди — классификация и сравнительный анализ западносибирских. Вместе с тем наиболее важной и основной представляется проблема генезиса укрепленных поселений Севера Евразии, включая урало-западносибирский регион, а также их связи с развитием экономики и социальной структуры общества.

<sup>1</sup> Историографию см.: **Стоянов В. Е.** Изучение раннего железного века лесостепного Зауралья в советское время // Историческая наука на Урале за 50 лет. Свердловск, 1967. С. 36—43; **Корякова Л. Н.** Из истории изучения саргатской культуры // Археологические исследования Севера Евразии. Свердловск, 1982. С. 113—124; **Борзунов В. А.** Историография гамаюнской культуры // Урал и проблемы региональной историографии: Феодализм. Первобытно-общинный строй. Свердловск, 1986. С. 101—107.

<sup>2</sup> См.: **Стоянов В. Е.** Ранний железный век западносибирской лесостепи: Опыт классификации и периодизации: Дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1969 // АКА УрГУ, ф. III, д. 176; **Викторова В. Д.** Население эпохи железа лесной полосы Среднего Зауралья: Дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1969 // Там же, д. 89; **Она же.** Этапы развития фигурно-штампованной орнаментации на сосудах памятников бассейна р. Тавды // ПХКПАПЗС. Томск, 1970. С. 254—270.

<sup>3</sup> См.: **Сальников К. В.** Городище «Чудаки» в Челябинской области: По раскопкам 1937 г. // СА. 1947. № 9. С. 221—227.

<sup>4</sup> См.: **Стоянов В. Е.** Классификация и периодизация западносибирских лесостепных памятников раннего железного века // ПХКПАПЗС. С. 238.

<sup>5</sup> См.: **Борзунов В. А.** Гамаюнская культура: Лесное и лесостепное Зауралье на рубеже бронзового и железного веков: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1984 // АКА УрГУ, ф. III, д. 275.

<sup>6</sup> См.: **Бельтикова Г. В.** Иткульские поселения // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск, 1977. С. 119—133.

<sup>7</sup> См.: **Могильников В. А.** К вопросу о саргатской культуре // ПАДИУ. М., 1972. С. 69—83; **Он же.** К этнокультурной характеристике Западной Сибири в эпоху раннего железа // ИИС. Томск, 1973. Вып. 7. С. 175—189; **Корякова Л. Н.** Саргатская культура западносибирской лесостепи: Источниковед. анализ: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1981 // АКА УрГУ, ф. III, д. 241; **Полосьмак Н. В.** Бараба в эпоху железа. Новосибирск, 1986.

<sup>8</sup> Раскопки Е. М. Беспрозванного, С. Ф. Кокшарова, В. М. Морозова, Ю. Б. Серикова, Т. И. Сладковой. Материалы не опубликованы.

<sup>9</sup> Ср.: **Стоколос В. С.** Стоянка бронзового века на р. Коротаихе // Археологические памятники Северного Приуралья. Сыктывкар, 1985. С. 31—54.

<sup>10</sup> См.: **Викторова В. Д.** Этапы развития... С. 254—260; **Васильев Е. А.** Северотаежное Приобье в эпоху поздней бронзы: Хронология и культурная принадлежность // Археология и этнография Приобья. Томск, 1982. С. 4—10; **Борзунов В. А.** Роль миграций в сложении и развитии культур крестовой керамики // Смены культур и миграции в Западной Сибири. Томск, 1987. С. 24—26.

<sup>11</sup> См.: Археология СССР: Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. С. 297—298, 392—396. Рис. 116. Это не гамаюнская керамика, а посуда иткульского первого (рис. 116-5), второго (рис. 116-2-4, 6, 8) и кульминского типов

(рис. 116-1, 7). Попутно отметим другие неточности данного издания. Ошибочно к гамаюнским изделиям причислены иткульские бронзовые наконечники стрелы и копья (рис. 117-2, 11). Из ряда укрепленных поселений вынесены Туманское и Шайдурихинское, а стоянка на мысе Гамаюн отнесена к городищам (с. 297). Кроме того, по данным Ю. Б. Серикова, сосуд вагильского типа с Оськинского I городища из раскопок Д. Н. Эдинга из-за путаницы шифров коллекций НТМК М. Ф. Косаревым неоднократно публиковался как происходящий со стоянки Голый Камень под Нижним Тагилом (рис. 117-4).

<sup>12</sup> См.: Археология СССР: Эпоха бронзы... С. 299, 317.

<sup>13</sup> См.: Берс Е. М. Некоторые данные о древнейшей истории Среднего Зауралья: По материалам раскопок Средне-Уральской археологической экспедиции // ВИУ. Свердловск, 1958. Вып. 2. С. 11—13.

<sup>14</sup> См.: Берс Е. М. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Свердловск, 1963. С. 84—107; Сальников К. В. Иткульская культура: К вопросу о «Зауральском Ананьине» // Краевед. зап. Челяб. обл. музея. Челябинск, 1962. С. 21—46; Бельтикова Г. В. Иткульские поселения. С. 119—133.

<sup>15</sup> См.: Бельтикова Г. В. О зауральской металлургии VII—III вв. до н. э. // ВАУ. 1981. Вып. 15. С. 118—125; Она же. Наконечники стрел с иткульских памятников // Археологические исследования Севера Евразии. С. 65—77; Она же. Иткульское I городище — место древнего металлургического производства // Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск, 1986. С. 63—79; и др.

<sup>16</sup> См.: Черных Е. Н. Горное дело и металлургия в древней Болгарии. София, 1978.

<sup>17</sup> См.: Могильников В. А. К вопросу о саргатской культуре. С. 85; Он же. К этнокультурной характеристике Западной Сибири в эпоху раннего железа // ИИС. 1973. Вып. 7. С. 175.

<sup>18</sup> См.: Он же. К вопросу об этнокультурных ареалах Среднего Прииртышья и Приобья эпохи раннего железного века // ПХКПАПЗС. С. 175—177.

<sup>19</sup> Он же. К характеристике культуры лесостепного Прииртышья в VII—VI вв. до н. э. // КСИА. 1985. Вып. 184. С. 5—6.

<sup>20</sup> См.: Труфанов А. Я. Закрытые комплексы городища Ямсыса-7 // Исторические чтения памяти М. П. Грязнова: Тез. докл. Омск, 1986. С. 61.

<sup>21</sup> См.: Он же. К вопросу о происхождении саргатской культуры // Археологические, этнографические и исторические источники по истории Сибири. Омск, 1986. С. 58—61; Погодин Л. И. Переходный период: К вопросу о миграциях в лесостепном Прииртышье в I тыс. до н. э. // Смены культур ... С. 32.

<sup>22</sup> См.: Матвеева Н. П. Ранний железный век Среднего Приобья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1988.

<sup>23</sup> См.: Могильников В. А. Периодизация культур эпохи железа в Среднем Прииртышье // Материалы конференции «Этногенез народов Северной Азии». Новосибирск, 1969. С. 136—137; Стоянов В. Е. Классификация и периодизация ... С. 253; Корякова Л. Н. Хронология погребений саргатской культуры // ВАУ. Вып. 15. С. 103—109.

<sup>24</sup> См.: Полосьмак Н. В. Бараба в эпоху железа. С. 88—90, 96—97.

<sup>25</sup> См.: Могильников В. А. К характеристике культуры... С. 4.

<sup>26</sup> См.: Полосьмак Н. В. Бараба в эпоху железа. С. 99.

<sup>27</sup> См.: Матвеева Н. П. Ранний железный век ... С. 18.

<sup>28</sup> См.: Спицин А. А. Зауральские древние городища // ЗРАО ОРСА. СПб., 1886. Т. 8, вып. 1, 2. С. 212—226.

<sup>29</sup> См.: Стоянов В. Е. Классификация и периодизация ... С. 239—240; Он же. Зауральские лесостепные поселения раннего железного века // КСИА. 1969. Вып. 119. С. 52—56; Борзунов В. А., Стоянов В. Е. Некоторые черты развития представлений о раннем железном веке Урала: К методике анализа памятников на примере гамаюнских городищ // ВАУ. Вып. 15. С. 27—40.

<sup>30</sup> См.: Иванов В. А. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа. М., 1984.

<sup>31</sup> См.: Борзунов В. А., Новиченков Н. Н. Ранние укрепленные поселения финно-угров Урала // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1988. С. 88—102.